

В номере:

Александр Карпенко

об Андрее Вознесенском

и Ирине Ермаковой

□

Выдающийся поэт России

Александр Вулых

□

Поэзия

Олега Воронцова

□

Журнал

«Дети Ра»

□

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ВУЛЫХ

СТИХИ ГРАЖДАНСКОГО ЗВУЧАНИЯ

Как-то раз в минуту грусти и отчаяния
Я решился, хоть меня и не просили,
Написать стихи гражданского звучания
О своей любимой – Родине России!

Видно, был с утра я чем-то раздосадован
Да вдобавок расцарапал себе душу,
Перед сном перечитав стихи Асадова
И в «ю-тубе» Розенбаума послушав.

Пригорюнилась тогда моя головушка,
Затуманилась, задумалась о жизни,
И как будто на плечо мне сел соловушка,
Пробудилась у меня любовь к Отчизне.

Кто-то пусть на мой порыв посмотрит искоса,
Демонстрируя души продажной гнилость,
Ну а мне вот захотелось в рифму высказать
Все, что на сердце моем в тот миг скопилось.

Я когда-то воспевал Отчизну милую,
Выражая как бы чаянья народа,
Но с тех пор немало лет крылатых минуло,
А любовь, как говорят, живет три года.

А и впрямь, покуда чувство колобродило
По колдобинам годов да по ухабам,
Понял я, как изменилась моя Родина,
Что весьма присуще некоторым бабам.

И уже не ширь души ее просторная,
Расплескавшаяся в сердце, словно море,
А чего-то вороватое и вздорное
Появилось в бирюзово-нежном взоре.

Приносил я раньше ей цветы охапками,
Кукарекал ей во славу, словно кочет,
А теперь она, отравленная бабками,
От меня уже совсем другого хочет.

А еще она надела член искусственный,
Что страпоном называется в секс-шопе,
И теперь я день и ночь тревогу чувствую,
Не абстрактно, а конкретно прямо в ж.пе.

Невеселое, скажу вам, ощущение,
Что поделаться с этим чувством, я не знаю...
Непонятно мне, за что просить прощения? –
Но прошу, канючу, клянчу, заклинаю,

Умоляю: не е.и меня, любимая,
Мы с тобой единой связаны судьбою.
Ты же добрая была и не злобливая,
И когда-то ведь гордился я тобою.

А сейчас в минуту грусти и молчания
Я смотрю в окно на город козлорогий,
И текут стихи гражданского звучания
По щекам, да по стеклу, да по дороге.

(Стихотворение из журнала «Дети Ра», № 2, 2013)

ПЬЕДЕСТАЛ

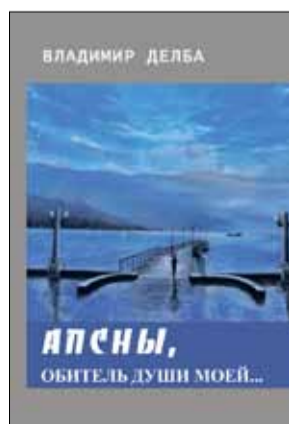
ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» – лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета – книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Тамара Жирмунская
«Ветер осенью... Тишина...»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Владимир Делба
«Апсны, обитель души моей...»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Жан Фоллен
«После всего»
М.: «Комментарии», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

«ДЕТИ РА»

«Дети Ра» – толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты – всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор – Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель – Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ОЛЕГ ВОРОНЦОВ ОСЕНЬ ЛЮБВИ

НЕ ДЫШИ БОЛЬШЕ МНОЙ

Не дыши больше мной,
я уже не герой,
я теперь увяданием тронут.
Человеческий гной,
вперемежку с судьбой
затянули в презрительный омут.
Не шепчи новых слов,
не рассказывай снов,
мое сердце засохло от боли.
Огоньки островов
и кварталы домов
очертят мне пространство неволи.
Не дыши больше мной –
за горящей чертой
чувства прошлые в холоде стонут.

2014

НИ ПРИКИДА, НИ НАРЯДА...

Ни прикида, ни наряда,
Ни музеев, ни кино.
С первого, похоже, взгляда,
Нам влюбиться суждено.
Было странно, было дико –
Мы попали в звездопад.
Под игру ночного блика
говорил я невпопад.
Заигрались вместе руки,
Губы дружно понеслись.
Той игры ночные звуки
Миражами улеглись.
Всё теперь от грусти стонет,
И слеза в глазах стоит.
Сердце наважденье гонит,
И на чувства лег гранит.

2011

НУ ЗАЧЕМ МНЕ ЧРЕЗМЕРНАЯ РАДОСТЬ?

Ну зачем мне чрезмерная радость,
Ну к чему оголтелая боль?
Неужели житейская гадость
Мне на раны не сыпала соль?

Были спины друзей и измены,
Были крики души и обман.
Видел кровь из порезанной вены
И таблеток разящий дурман.

Сколько их, этих судеб заблудших,
Исковерканных, грязных, кривых.
Жизнь порой вырывает из лучших,
Превращая в усопших живых.

Ни к чему этот взрыв ощущений,
Ну зачем для души беспредел?
Лучше тихо, без праздных волнений,
В суете своих мыслей и дел.

Сердце я не просил Прометея,
Свой огонь раздобуду-найду.
Умирать – не простая затея,
А еще тяжелей жить в аду.

Июнь 2011

ЖИЗНЬ В ДЕШЕВЕНЬКОЙ ДРАМЕ...

Одни ушли сами,
От других ушел я.
Запрягли свои сани,
Подстегнули коня.

На канал в Амстердаме,
То вода, то земля.
И толпа в Нотр-Даме,
Суэта и возня.

Кто-то лично при даме,
Позабыв, где семья.
В человеческом гаме
Возликует, сопя.

Что за ценности в хламе?
Вот и жизнь вся твоя,
Как в дешевенькой драме,
Проплывет, как ладья.

Май 2012

ВСЕ ПОШАТНУЛОСЬ

Я не знаю, что пошатнулось:
Жизнь или душа.
Все углами вдруг обернулось,
Боль исподтишка.

Я без жалоб и без упреков
Подчинился ветрам.
Сколько будет жестких уроков
Пошатнувшимся – нам?

Всюду крики левых и правых –
Оглушают народ.
Обещаний наивно-ржавых
Утомительный ход.

Я не знаю, где он укрылся,
Сильный мой дух.
И рассудок тоскою покрывлся,
Мысли мрачные вслух.

Июнь 2011

СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ВЫ БЫЛИ

Спасибо за то, что вы были,
Спасибо за то, что вы есть,
За то, что когда-то любили,
За правду, за слезы, за лезть.

За крики души, что есть мочи,
За взгляд, за объятья, кивок.
Спасибо за слог среди ночи,
Сарказм или даже плевков.

Простите за дни эгоизма,
И что не подал вам руки.
Что жил без страниц героизма
И вам не оставил строки.

Май 2012

ТАРКОВСКОМУ

Я в «Зеркале» душу оставил,
Достоинство, совесть и честь.
А с вами утопию славил –
Иронии в жизни не счастье.

И в пластике, мимике, жесте
Я счастье себе обрету.

В несказанно-творческом месте,
В счастливом советском аду.

Май 2012

ИЗ ТЮРЬМЫ

Серые стены,
зеленые крыши,
И даже птицы
значительно выше.
Тихие стоны,
приказы свыше,
умных речей
мы здесь не услышим.
Циники блеют
тоном повыше,
люди пугливы,
словно мыши.
Двери, засовы –
еле дышим,
судьям и женам
пишем и пишем.

Ноябрь 2014

ОСЕНЬ ЛЮБВИ

Увядший сад, потухший взгляд,
Меланхоличный разговор.
Уставшей осени обряд,
Природы вечный приговор.

Бутонов нет – лишь лепесток,
И нет доверия в глазах.
Была любовь, и был цветок,
И мед на приторных губах.

Сад, опустевший от обид.
Пустынный, отрешенный взгляд.
Унылый и тоскливый вид
Природы, сбросившей наряд.

Но все ж не жаль – она была,
Неповторимая весна.
Любовь по воздуху плыла,
И мы, уставшие без сна.

Ноябрь 2014

ЗАЧЕМ ТЫ ИГРАЕШЬ СО МНОЙ?

Зачем ты играешь со мной,
Зачем на болота зовешь?
Я в чувствах стала вдовой,
А ты про любовь мне поешь.

К чему запоздалый вдруг зной,
К чему эта сладкая ложь?
Спокойнее быть одной –
Не надо мне в сердце нож!

Я свыклась с мирной душой,
Зачем мне пробитая брешь?
Не делай меня смешной,
Победой себя не тешь.

Ноябрь 2014

ВЛАДИМИР СПЕКТОР ФОТОГРАФ? МУЗЫКАНТ? ПОЭТ!

*Я песне отдал все сполна, в ней жизнь моя, моя забота,
Ведь песня людям так нужна, как птице крылья для полета.*

Михаил Матусовский

В советские времена, когда в Луганск, периодически становившийся Ворошиловградом, приезжали высокие гости, в качестве достопримечательностей им показывали немного: памятные знаки, связанные с гражданской и Великой Отечественной войнами, рабочее место будущего красного маршала Клим Ворошилова на тепловозостроительном заводе, шахтерские города Краснодон и Ровеньки, овеянные славой подпольной организации «Молодая гвардия».

Все это, безусловно, достойно внимания. Но ведь Луганск — это еще и родина известных писателей, чьи имена составляют гордость отечественной литературы. В первую очередь, это — великий знаток слов, этнограф, гуманист Владимир Даль. А еще здесь жили автор первого украинского словаря Борис Гринченко, советские литераторы Борис Горбатов, Тарас Рыбас, Фёдор Вольный, Павел Беспощадный (даже в фамилиях — колорит эпохи), Владислав Титов, Михаил Пляцковский... И Михаил Матусовский, чьи песни считаются народными, а это, говорят, первый признак, по которому автора заносят в разряд «классиков».

«ВЕЛОПРОБЕГ» И «СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ»

Старый центр Луганска, словно стрелой, пересекается когда-то самой респектабельной и аристократической улицей Петербургской, ставшей в советское время Ленинской. Когда-то здесь чинно и вальяжно прогуливались мещане, служивый люд, гимназисты, разглядывая витрины шикарных магазинов, ресторанов, фотоателье. Со временем и улица, и нравы становились проще, демократичней и, в тоже время, провинциальней. Центр сместился на улицу Советскую.

А на Ленинской приметы прежней жизни остались лишь в архитектурных украшениях старинных, давно не знающих ремонта особняков. И уж совсем давно нет здесь фотосалона Льва Матусовского, который открылся около ста лет назад и был одним из самых популярных в городе.

В семьях коренных луганчан и по сей день хранятся фотографии, сделанные в этом салоне.

*В сердце дунет ветер тонкий,
и летишь, летишь стремглав.
А любовь на фотопленке
держит душу за рукав.*

Перед «цейсовским» объективом мастера «проходил весь город — старые и юные, учащиеся и военные, местные и приезжие, женатые и холостые, подвыпившие и трезвые, толстые и тощие, спешащие оставить память о себе на листках удостоверений личности или в семейных альбомах. Мой отец был своеобразным летописцем города, ему были известны самые заветные тайны». Это — выдержка из автобиографической книги «Семейный альбом» младшего сына Льва Матусовского — Михаила, который тоже мог на радость папе

стать фотографом, но стал на радость миллионам читателей и слушателей поэтом. Да каким!

*Кирпичный дом, и дым жилья,
и запах мокрого белья —
вот родословная моя...
Отец выпрашивал куски,
считал обиды и пинки,
и счастлив был, когда попал
К фотографу в ученики...*

Впрочем, вполне могло случиться и так, что вместо популярного поэта мир обрел бы не менее замечательного музыканта. Соответствующие задатки у маленького Миши были. И его родителям порой грезился переполненный концертный зал с роскошными люстрами, зажженными ради их сына, и он сам, раскланивающийся перед публикой. Сам же Миша постарался быстро развеять их иллюзии. «Хотя, может быть, и погубило во мне музыкальное дарование», — писал Матусовский в своей книге. Но себя музыкантом в будущем не видел: уже в детстве писал стихи...

Первое стихотворение «Велопробег» опубликовал в областной газете «Луганская правда» еще в 12-летнем возрасте. Кстати, в том же номере, на той же странице было напечатано и стихотворение его брата, чье дальнейшее творчество нам не известно. А Михаил позднее, став признанным поэтом, счел свои стихи, созданные в детстве, «из рук вон плохими». И даже просил прощения «у терпеливых луганских читателей»...

И СЛУЧАЙ ПОМОГ ТОЖЕ

Шли годы. После окончания школы Матусовский писал афиши для заводского клуба, рисовал карикатуры для многотиражки, работал тапером в кинотеатре. Будучи студентом Ворошиловградского (Луганск к тому времени уже был переименован) строительного техникума, руководил возведением двухэтажного здания медсанчасти на территории паровозостроительного завода...

В годы войны многие заводские помещения были разрушены. Но здание бывшей медсанчасти и по сей день стоит прочно и надежно. «Вот ведь как получается: сколько сгорело городов и деревень, рухнуло очагов и кровель, а скромный двухэтажный домик, для которого достаточно было бы одной небольшой фугаски, стоит себе и стоит. Если бы хоть две стихотворные строки мои выдержали такое испытание временем, как дом моей юности!» — это строки из все той же книги воспоминаний.

Фундамент стихов Матусовского оказался не менее прочным, чем построенный им дом. Но время славы никогда не бывает торопливым.

Вероятно, он был бы хорошим строителем, хотя «учиться в техникуме невыносимо скучно», — так он писал друзьям, думая, скорее всего, не об эпюрах напряжения, а о стихотворных размерах. И хорошо, что в его судьбу, как водится, вмешался Его Величество Случай.

В город на Лугани с творческой встречей приехали поэты из столицы — Евгений Долматовский и Ярослав Смеляков. Молодой техник-строитель Матусовский принес на суд гостям затрепанную тетрадку своих стихов. И услышал от них: «В вас что-то есть. Приезжайте учиться в Москву».

ЗАРЕЧНАЯ, СЕРДЕЧНАЯ...

И вот луганчанин едет покорять столицу. Как сам рассказывал впоследствии, ехал с чемоданом стихов, «угрожая завалить столицу своей продукцией». Поступив в Литературный институт, подружился с Маргаритой Алигер, Евгением Долматовским, Константином Симоновым.

Вместе с Симоновым после окончания института поступил в аспирантуру при Московском институте истории, философии и литературы (в 1939 году). Константин Симонов, ровесник и единомышленник, был одним из его ближайших друзей. На каникулы вместе приехали в провинциальный Луганск, написали и издали в Москве совместную книгу рассказов и стихов «Луганчане».

Кандидатская диссертация Михаила Львовича была посвящена древнерусской литературе. Защита ее была назначена на 27 июня 1941 года. Но, уже в ночь с 22-го на 23-е поэту стало известно, что ему немедленно надлежит получить документы военного корреспондента и отправляться на фронт! В виде исключения защита диссертации состоялась без соискателя. Уже на Западном фронте ему стало известно

о присвоении ученой степени кандидата филологических наук.

Военный журналист Матусовский воевал на Северо-Западном, 2-м Белорусском, Западном фронтах Великой Отечественной войны. Среди его фронтовых наград, к которым он был представлен за мужество и героизм, — ордена Красной Звезды, Октябрьской революции, Отечественной войны первой степени, Трудового Красного Знамени, медали.

Помимо фронтовых публикаций, и в годы войны, и после нее Матусовский написал немало текстов песен на военные темы. Сюжеты почти всегда брал из жизни. Многие из тех песен уже давно стали классикой. Но поэт видел в них лишь робкие ученические наброски.

По-настоящему первой своей удачей считал «Вернулся я на родину», в которой говорится о том, как после окончания войны автор возвращается в свой родной город (Заречная — одна из улиц старого Луганска):

*Вернулся я на родину. Шумят березки встречные.
Я много лет без отпуска служил в чужом краю.
И вот иду, как в юности, я улицей Заречною,
И нашей тихой улицы совсем не узнаю...*

Музыку к этой песне написал Марк Фрадкин, первым исполнителем стал Леонид Утёсов. «Я был счастлив и горд, когда ее начал петь Леонид Утёсов... После него я поверил в силы и возможности песни», — писал поэт.

К ВОПРОСУ О НАРОДНОСТИ

Интересна судьба песни, которой он не придавал особого значения.

*Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
что с девушкой я прощаюсь навсегда.*

Долгое время она считалась фольклорным вариантом студенческого гимна. Ее пели у костра и за столом, на вокзалах и в дворовых компаниях. Не пели ее только с эстрады, ибо ее служители приклеили песне ярлык немного вульгарной и даже полублатной. Что сказать, «Это время в ушах — БАМ!» звучало, конечно, более идеологически выдержанно. Но и на БАМе строители пели «Сиреневый туман», предпочитая его многим другим рекомендованным к исполнению постылым шлягерам.

Вернул на эстраду и в радиоэфир хорошую песню Владимир Маркин, который и сам, по его словам, поначалу не знал, кто же является автором слов, запоминавшихся слушателям с первого раза. Хотя стиль Матусовского тут налицо — искренний, трогательный, задушевный.

Песню «Подмосковные вечера» многие тоже считают народной. А, между тем, судьба ее была совсем непростой (сродни народной). Создавалась она для фильма «Мы были на Спартакиаде».

Окончание. Начало на стр. 3

ВЛАДИМИР СПЕКТОР ФОТОГРАФ? МУЗЫКАНТ? ПОЭТ!

Руководители студии кинохроники вызвали авторов в Москву, чтобы выразить недовольство этой «вяловатой лирической песенкой». Кто сейчас знает этих критиков, кто помнит их «киношедевр»? А «Подмосковные вечера» живут уже более полувека и терять свою популярность не намерены.

Не менее знаменитой и любимой стала и песня «С чего начинается Родина». Между прочим, он неоднократно менял текст, выбирая наиболее точные слова, пока стихи не при-

Целую ночь соловей нам насвистывал,
город молчал, и молчали дома,
Белой акации гроздь душистые
ночь напролет нас сводили с ума...

ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вкниге «Семейный альбом» немало теплых строк поэт посвятил родной школе и особенно любимой учительнице русского языка и литературы Марии Семёновне Тодоровой. Она учила не только любить и понимать литературу, но и помогала своим ученикам лучше разбираться в житейских ситуациях, отличать пропагандистскую мишуру от правды жизни.

Времена и падежи,
лица чьи-то и глаголов...
То ли школа на всю жизнь,
то ли жизнь — сплошная школа.

«Загадочные строки "Мцыри", разбегаящиеся, как чернь по серебряным ножнам, свободные, обманчиво простые, написанные почти так, как мы разговариваем с вами, четырнадцатистишия "Онегина", строки некрасовских "Коробейников", которые, если бы даже не были положены на музыку, все равно оставались бы песней, — все это я услышал впервые из уст Марии Семёновны», — вспоминал Матусовский.

Как много он писал в школьные годы! У него был целый мешок лирических стихов, пародия на «Евгения Онегина». Начинал роман-трилогию на манер Гарина-Михайловского, сочинил бытовую комедию, в 11 лет начал работу над воспоминаниями «о прожитом и пережитом». Но Мария Семёновна, с которой Миша делился своими творческими планами и показывал свои опусы, возвращала его на землю.

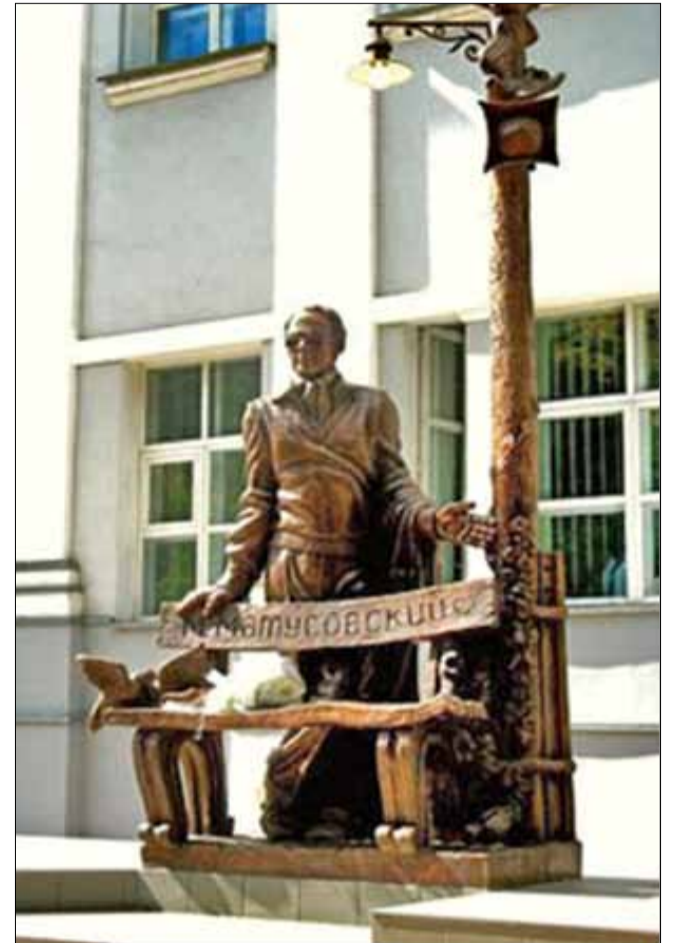
Она не давала ему бесполезных советов, не читала скучных нотаций. Она просто предлагала почитать настоящие книги, развивала вкус и понимание литературы. Михаил всю жизнь помнил и любил свою школьную учительницу.

Одним из его соавторов был Исаак Дунаевский. Именно по его просьбе Матусовский и написал стиховоспоминание о школьных годах. Но получившийся в результате совместного творчества романс не вызвал особого восторга поэта. Тут же композитор, вспоминает Матусовский, установил

на пюпитре вместо нот пустую коробку из-под папирос «Казбек», на которой была начертана лишь одна нотная строка. И Михаил Львович впервые услышал грустную, щемящую мелодию «Школьного вальса».

Давно, друзья веселые,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду березки с кленами
Встречают нас поклонами,
И школьный вальс опять звучит для нас.

...Под звуки вальса плавные
Я вспомнил годы славные,

Любимые и милые края,
Тебя с седыми прядками
Над нашими тетрадками,
Учительница первая моя.

Многих ли авторов песенных стихов мы помним? Лебедев-Кумач, Исаковский, Фатьянов, Матусовский... Забываются многие, весьма достойные фамилии. Но — остаются лучшие, и среди них — Михаил Матусовский.

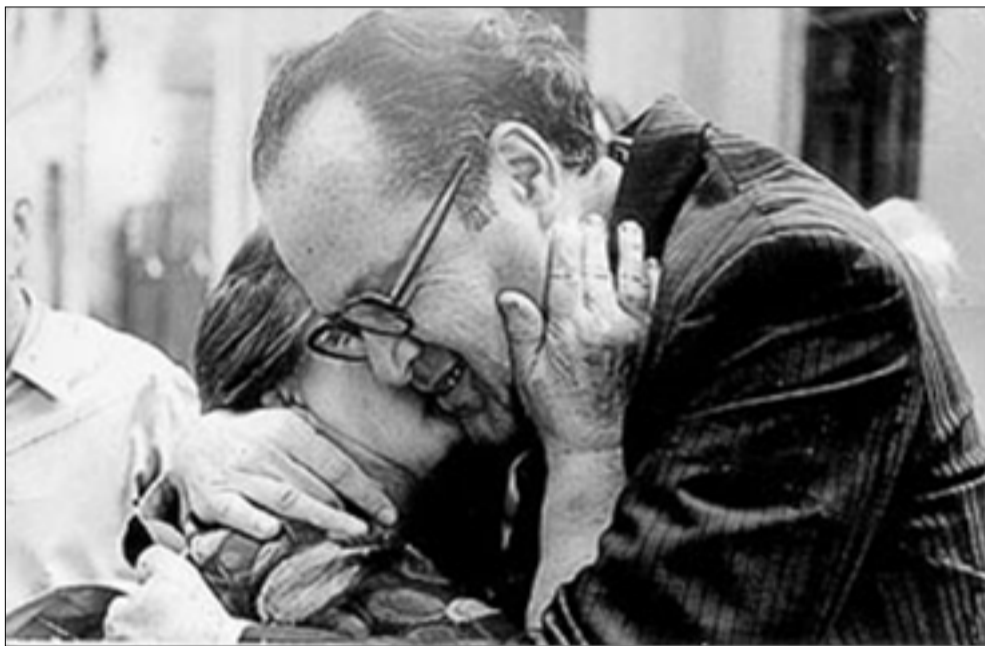
И хоть его именем не названа еще улица в родном Луганске, памятник ему стоит у входа в институт культуры. А литературная премия Межрегионального союза писателей, которую вручают украинским поэтам за достижения в русской поэзии, так и называется — премия имени Матусовского. Но, самое главное, звучат песни на его стихи. А для поэта — это лучшая память.

P.S. Буквально несколько слов об опыте моего общения (заочного) с Михаилом Матусовским. В начале 80-х я набрался нахальства и послал ему в Москву свои тогдашние (увы, несовершенные) стихи. Исходя из неудачного результата переписки с двумя киевскими поэтами (они даже не ответили на мои письма), ожидания мои были пессимистическими. Но, считал я, послать стихи нужно, ибо желание получить оценку своих творений от мастера было очень велико.

К своему удивлению (и радости!) ответ пришел довольно скоро. Ответ теплый и деликатный. Навсегда запомнил несколько строк: «Искра Божья в Вас есть. Но прежде, чем завоевывать столицу, нужно завоевать Луганск, где очень хорошие литературные традиции». Конечно, он был прав. Его письмо очень помогло мне, придав силы и какую-то уверенность в себе. Спасибо Вам, Михаил Львович!

Иллюстрации:

фотографии поэта разных лет;
памятник Михаилу Матусовскому в Луганске.

брили тот вид и содержание, которые мы знаем и любим. Многие произведения написаны Матусовским специально для кино. Вот лишь некоторые «его» фильмы: «Щит и меч» (кстати, «С чего начинается Родина» — именно оттуда), «Тишина», «Верные друзья», «Испытание верности», «Неподдающиеся», «Девчата», «Матрос с «Кометы»...

Песни Матусовского исполняли Леонид Утёсов, Марк Бернес, Владимир Трошин, Георг Отс, Николай Рыбников, Лев Лещенко, Муслим Магомаев, Людмила Сенчина... список можно продолжать и продолжать.

Уехав из родного Донбасса, поэт не забыл его. Знаменитый романс из фильма «Дни Турбиных» тоже посвящен Луганску, чьи улицы в мае буквально залиты пьянящим ароматом цветущей белой акации:

РЕКЛАМА

**РЕКЛАМА В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД».
КАЧЕСТВЕННО И НЕДОРОГО!
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ
ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75**

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО ДВЕ ПОЭЗИИ И ДВЕ ПРАВДЫ. ВСТРЕЧА С АНДРЕЕМ ВОЗНЕСЕНСКИМ

Как-то поздно ночью, августовским послепутчевским вечером 1991 года, у меня зазвонил телефон. Послышался, с извинениями, голос популярной телерадиоведущей. Она сказала, что поэт Андрей Вознесенский написал новые стихи и попросил ее найти композитора, который смог бы за ночь сочинить на эти стихи песню. Вот она и подумала обо мне. Сказать, что я был сильно удивлен — ничего не сказать. Я был, можно сказать, ошарашен и озадачен таким предложением. Я не понимал, почему Вознесенский, который был в ту пору гениальным чтецом, не мог прочесть эти стихи без музыки. Я не мог понять, почему я вдруг оказался в одном ряду с такими композиторами, как Раймонд Паулс и Алексей Рыбников, с которыми успешно сотрудничал в то время Андрей Вознесенский. Конечно, многое объясняла срочность заказа (возможно, мэтры просто дружно отказались сочинять с такой скоростью?), и все же...

«А что это за стихи?» — поинтересовался я, чтобы выиграть хоть немного времени на размышления. Татьяна прочла мне стихи, и я понял, почему они срочно нуждались в музыке. Стихи были белыми. Врезалась в память строчка о трех парнях, погибших в тот августовский день: «Лежат под трехцветным небом... Вечная память...». В общем, в итоге писать заказуху ради того, чтобы на следующий день исполнить ее перед ревущей многотысячной толпой, я отказался. Зато переадресовал просьбу Андрея Андреевича своему приятелю, который, как я и предполагал, с удовольствием ее выполнил. К счастью для мира, в нем есть более тщеславные люди, чем я. Неожиданная цепочка происшествий привела к тому, что на следующий день мы сидели с Андреем Вознесенским в одной машине и разговаривали о поэзии, оказавшись рядом на заднем сиденье. Я рассказал ему об авторских переводах своих рифмованных стихов на английский язык. Я только что вернулся из США, где и производил эти опыты.

— И ты, конечно же, переводил верлибром? — поинтересовался Вознесенский.

— Напротив, я перевел все в рифму, а некоторые стихи — почти дословно!

— Ну и напрасно! Надо переводить на английский как можно ближе к тексту и не в рифму. У них рифма — это отстой. Они рифмуют только песенные тексты. А вся серьезная поэзия — нерифмованная.

Я попытался было возразить, что, действительно, стихи Вознесенского, основанные на густой метафоричности, мало что теряют от нерифмованного перевода, но как быть со стихами, чья сильная сторона — музыкальность речи? Но Андрей Андреевич был настолько непоколебимо уверен в своей правоте, что спорить мне не захотелось. Силившийся прослыть авангардистом, Вознесенский ни за какие коврижки не хотел превращаться в «отстой», пусть даже и в «экспортном» варианте.

Надо сказать, что отсутствие «цветного» зрения — вообще очень прискормная черта у поколения, именуемого «шестидесятниками». Я не знаю, в чем тут причина. То ли это результат вмешательства на генном уровне советской системы воспитания, то ли Хрущёв прошелся бульдозером по мозгам лучших людей того времени... В итоге получилось вот что: цветное зрение шестидесятники заменили черно-белым, а черно-белое еще зачем-то разделили на черное и белое. И в ситуациях, где было два белых начала, или два черных, у них элементарно начинало сносить крышу.

Очевидно было, что поэзию можно классифицировать именно по ее «реакции на переводимость». Есть поэзия как феномен языка. И есть поэзия как феномен нестандартного мышления, нешаблонного, нетривиального видения поэта. Недавно мне прислали русские стихи болгарской поэтессы Магдалены Манчевой, и вдруг я понял, что поэзию второго типа (непохожего на других людей видения мира) не убить ни корявым языком, ни плохим переводом, — она, даже

не доведенная до ума, продолжает быть интересной. Она была бы столь же любопытной, если бы то, что написано словами, нарисовали, сфотографировали, сняли об этом фильм и т.п.

НА ДВА ГОЛОСА

Долгое время я был убежден, что Андрей Вознесенский — один из немногих советских поэтов, кто практически ничем себя не скомпрометировал и не запятнал в то непростое время. Позже ему стали широко ставить в вину поэму «Лонжюмо». Иногда в беседах с друзьями они — мои друзья — случайно — начинали мне жаловаться на какие-то давние поступки Андрея Андреевича. У меня же общение с ним носило столь эпизодический характер (к счастью ли, к сожалению?), что я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть упреки моих друзей в адрес Вознесенского. Поэт в России настолько находится под прицелом различных суждений о нем и толкований!.. Многие болтают почему зря, знаю на собственном опыте. Это даже не зависть. Это многоликая месть мира за то, что ты долгое время находился на его вершинах. Вместе с тем, есть пишущие люди, которые по-прежнему считают Андрея Вознесенского своим учителем и относятся к нему с трепетом и пиететом. Достаточно назвать Константина Кедрова и Сергея Сутулова-Катеринича.

Существуют странные «откаты» времени, когда поэта начинают отвергать просто за то, что ему долгое время фантастически везло. Думаю, что сочувствие пишущей братии Андрею Вознесенскому в момент, когда он потерял голос, могло бы быть бОльшим. Если бы не его прежняя оглушительная слава, которой продолжали завидовать. В том числе и — подсознательно — те современники поэта, кому она мешала прозвучать в полный голос, поскольку эстрадники шестидесятых «заглушили» всех и вся, в том числе и собственную «тихую» лирику.

ПЕСНЯ АКЫНА

Ни славы, и ни коровы,
ни шаткой короны земной —
пошли мне, Господь, второго,
— чтоб вытянул петь со мной!

Прошу не любви ворованной,
не милостей на денек —
пошли мне, Господь, второго,
— чтоб не был так одинок.

Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для овец,
на два голоса спеть!

Чтоб кто-нибудь меня понял,
не часто, ну, хоть разок.
Из раненых губ моих поднял
царапнутый пулей рожок.

И пусть мой напарник певчий,
забыв, что мы сила вдвоем,
меня, побледнев от соперничества,
прирежет за общим столом.

Прости ему. Пусть до гроба
одиноким окружен.
Пошли ему, Бог, второго —
такого, как я и он.

Не могу не отдать должного Андрею Вознесенскому. Эта его «песня» царапает меня до сих пор, хотя столько раз уже звучала и в исполнении автора, и в исполнении Высоцкого. Меня не покидает ощущение: что-то в этом произведении мы недослушали и недопоняли. Вроде бы все понятно. Незыблемость преимущества. Соперничество как содружество. Но вот это «прирежет за общим столом» явно выбивается из ряда образов и ассоциаций. Как прирежет? За что? Зачем? Первая мысль была такая: «прирежет» — метафора. Смысл — перепоет друга, заткнет его за пояс. Но потом понимаешь, что все всерьез — из двух певцов в живых остается один. Тогда почему «за общим столом», а не, скажем, в какой-нибудь темной подворотне. И что — все остальные тихо сидели и наблюдали, как один человек режет другого? И никто

не вступился, и никто не позвал милицию? Вопросы, вопросы... И почему в итоге убийца не в тюрьме, а «одиноким окружен». А убитый не только заранее его прощает, но и желает ему еще одного друга — такого же, каким был он сам! Что же это такое? Я не уверен, что на подобное всепрощение (если, конечно, все было всерьез) пошел бы сам Иисус Христос. В общем, концовка стихотворения явно на грани фола. Даже удивительно, что советская цензура пропустила такое и не вырезала у поэта столь «кровожадную» концовку стихотворения. Андрей Вознесенский настойчивостью своей словно бы «выторговал» себе право на крамолу, и это в моих глазах — скорее достоинство, нежели недостаток. Хотя мы видим: система кому-то позволяла почти все, даже «Аллилуйю любви», а кого-то гноила в тюрьме за гораздо меньшие прегрешения. Но сейчас все это — уже история. Меня же интересует, в первую очередь, живучесть и выживаемость стихотворений, написанных в другие эпохи. И не только это. Я попробовал написать женский вариант «Песни акына» и, таким образом, спеть — таки с Вознесенским на два голоса. Вместо «погибшего» партнера. Мне показалось это интересной идеей.

РАВНАЯ

Всем ищущим философский камень из души и плоти посвящаю.

А.К.

*«Пошли мне, Господь, второго»
Андрей Вознесенский*

Тайною мира раненный,
В сердце пряду мечты.
Господи, дай мне равную —
Если всеислен Ты!
Ту, что сыскать непросто мне,
Одолевая тьму...
Брошенным в море островом
Зябко жить одному!

Пусть на картину женщина,
Ляжет, как светотень.
И, красотой увенчана,
Ночь превратит мне в день;
Ласковая и славная,
Света в очах не счесть.
Боже, пошли мне равную, —
Если такая есть.

Боже, пошли мне нежную,
Словно Твоя рука;
Чистую — или грешную,
Лишь бы была тонка...
Станом, умом и тайною —
Мыслями о былом.
Боже, пошли мне равную
В мой опустелый дом.

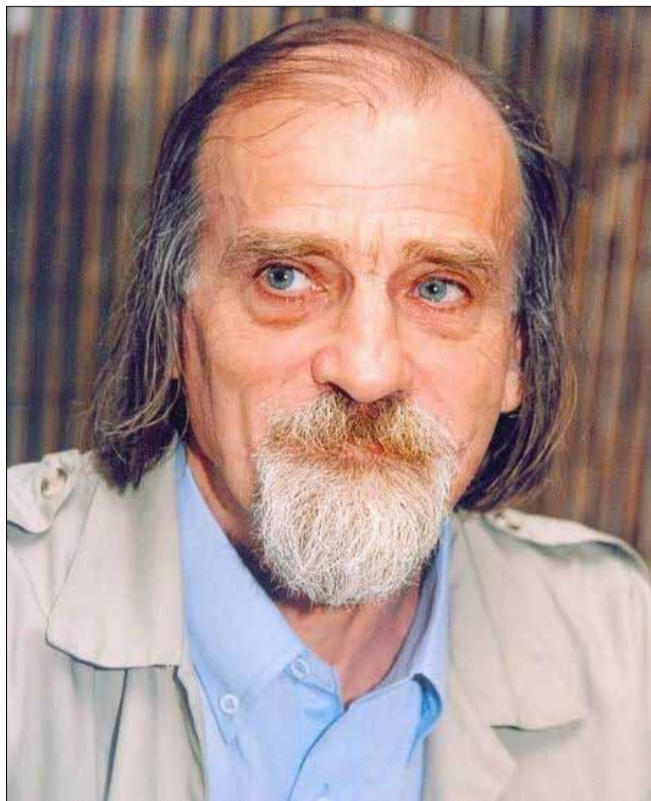
Вновь не везет мне с крыльями,
И тяготит предел.
Но красоту открыл бы я,
С женщиной — полетел!
С неба осыпан манною,
Тихо шепчу в веках:
«Боже, пошли мне равную:
Сир я, убог и наг».

Вот такая история.

ЕФИМ ГАММЕР

БОКС НА ЭКРАНЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

Большое видится на расстоянии. А малое, совсем малое? Вроде кулака, ножа, шпильки? Только в движении. Тут и вспомним: в движении — жизнь.

Вот это смысловое понятие «движение — жизнь» четко угадывается в режиссерском решении Хелен Яновски, автора документального фильма «Иерусалимский боксерский клуб». Премьера картины прошла 17 июля в Иерусалимской Синематеке в рамках Иерусалимского кинофестиваля.

В ритме боксерского поединка идет киноповествование о знаменитом клубе боксеров, созданном в далеком 1981 году братьями Люксембург — Эли, Гершоном и Яшей — в одном из проблематичных районов Иерусалима, где прежде подростки чаще попадали в полицию, чем выходили на ринг. Но с появлением манящей таблички на дверях бывшего бомбоубежища «Боксерский клуб» многое стало меняться к лучшему, включая и психологию так называемых «трудных подростков», которым через несколько лет призываются в армию и обретаются в бою.

Каждый из братьев Люксембург располагает биографией, достойной книги из серии «Жизнь замечательных людей». Объединяющим для всех служит, что они прошли в Ташкенте школу замечательного советского тренера Сиднея Джексона, о котором написан роман Георгия Свиридова «Джексон остается в России», побеждали на многих соревнованиях республиканского и всесоюзного значения и при первой возможности репатриировались в Израиль в начале семидесятых годов. Здесь связали себя с тренерской работой, не забывая и о литературном призвании. Старший из братьев Эли Люксембург дважды, в 1984 и 1996, был лауреатом премии Русскоязычного союза писателей Израиля, он автор нескольких книг, изданных в разных странах. Преданность литературе характеризует и остальных братьев.

Заглянем в буклет кинофестиваля. Прочитаем аннотацию. Но лучше всего обратимся напрямую к создателю фильма Хелен Яновски:

— Братья Люксембург ведут Иерусалимский боксерский клуб, расположенный в помещении бомбоубежища в южном районе Иерусалима, — рассказывает она. — Сотни подростков прошли через этот клуб на протяжении многих лет. Как утверждает Гершон Люксембург, никто не приходит в бокс без причины. В фильме показаны четыре подростка — Гет Захайка из палестинской деревни Джебель Мукабер, Кристина Стадник из иерусалимского интерната, Влад Ворошилов из квартала Катамон и Акива Филькенштейн из поселка Бейт-Эль. Вместе они ездят на чемпионаты по всему Израилю. Гершон учит их уверенности в себе, мудрости, желанию преуспеть и выиграть, и как противостоять противнику, не теряя головы, даже в пылу боя.

От себя могу добавить. Я познакомился с Гершоном Люксембургом в декабре 1978 года, сразу после репатриации из Риги, где в 33 года, готовя себя к Израилю, вернулся в бокс, вновь, как в юности, победил на первенстве Латвии и надеялся стать первой перчаткой на земле предков. Нас сроднила общность интересов — журналистика, поэзия, проза и, разумеется, бокс. Гершон в ту пору был уже неоднократным чемпионом Израиля и чемпионом девятой «Маккабады», а, кроме того, лауреатом фестиваля бардовской песни Израиля.

Казалось бы, бокс и поэзия. Что тут общего? Гораздо проще говорить о том, что Гершон — был уже тогда солдатом Израиля, участвовал в танковых сражениях времен войны

Судного дня. Все это так. Но при этом необходимо заметить, что в танке его сопровождали не только боксерские перчатки, но и гитара. И в минуты затишья не забывал сочинять новые песни, которые, проверяя их, как говорится, на слух, напевал своим сослуживцам:

Вот и закончился путь.
Вот и закончился век.
Может, как свечку задуть,
Сердце свое человек.

А сегодня на тренировках Гершон, не расстающийся с гитарой и в спортивном зале, непременно говорит нашим ученикам, что он, его старший брат Эли — не только боксеры, но и писатели, и бокс этому не вредит, а наоборот, способствует в творческом развитии. По его версии, впрочем, и по моей тоже, нельзя вкладывать жизнь в прокрустово ложе только одного увлечения. Это приведет к ограничению умственных и душевных качеств, снизит творческий потенциал. Нужно всесторонне развивать себя, чтобы быть полноценным человеком, а не какой-то ходячей пешкой, пригодной только для кулачного боя.

Как для кого, но для меня, пришедшего в Иерусалимский клуб бокса в 1998 году в возрасте 53 лет, чтобы снова вкусить бойцовского адреналина и побеждать на ринге, и Гершон, и все его воспитанники — не просто герои экрана. Для него, тренера и наставника, понятно, — чуть ли не родные дети, а для меня — младшие собратья по десятиунцовой перчатке. Первые азы реального бокса я преподавал им в спаррингах в ходе тренировок, и приятно сознавать, что они раз за разом становились впоследствии чемпионами Израиля.

Однако путь к победе — не увеселительная прогулка. Он связан с огромной затратой физической и душевной энергии, взлетами и падениями, с истинным представлением о чести и совести.

Глядя на экран, видя, как скрещивают перчатки боксеры на первенстве Израиля в арабском поселении «Кфар Ясиф», расположенном на севере Израиля, мне вспоминается недавний чемпионат Иерусалима, проведенный в стенах родного клуба. И сами собой напрашиваются слова: все разговоры о разделе Иерусалима могут утихнуть разом, стоит побывать на открытом первенстве нашего вечного города по боксу.

Как ни странно, а, может быть, это и закономерно, кулачный бой больше объединяет людей разных национальностей, чем их разобщает и плодит вражду. А почему? Да по той простой причине, что проходит честно, без всяких политических вывертов — с осознанием того, что нам жить на одной планете, и никак эту планету не разделить, чтобы у каждого была своя, как у Маленького Принца.

Антуана де Сент-Экзюпери с нами нет. С нами Иерусалим. И когда он в боксерских перчатках, все происходит, так сказать, в открытом режиме, на глазах у всех и без всякого подسуживания со стороны заинтересованных в исходе поединка лиц. Это и показал очередной чемпионат Иерусалима, но не первенство Израиля, за ходом которого бдительно следит кинокамера Хелен Яновски.

И вот в Синематеке на глазах зрителей, а многие из них отличные боксеры, происходят трагедийные коллизии, болезненные выверты спортивной судьбы, вопиющие нарушения морали и этики. Мы видим, как неведомо по чьему указу победу, которую без сомнения одержал пятикратный чемпион Израиля Акива Филькенштейн, судейским решением у него крадут, и возникает ситуация драматического накала. Но что можно сделать? Разве что выругаться матом. И спасительный русский язык не подводит: Гершон Люксембург обрушивает бронебойную очередь из русского словесного запаса, наделенного знаком «Сделано в СССР», на головы тех, кто явно рулит в сторону арабских боксеров, в данный момент хозяев ринга из Кфар Ясив и организаторов чемпионата Израиля.

Правда, из присутствующих его способна понять разве что кинокамера. Акива Филькенштейн — человек англо и ивритоязычный, новый репатриант из США. Его секундант Гет Захайка, палестинец из деревни Джебель Мукабер, пусть и воспитанник Иерусалимского клуба, тоже русским не овладел, хотя кое-какие слова выучил: «друг», «будет хорошо». Он вообще удивительный человек, преисполненный мужества

и душевной силы. Никто из соперников не знает, что у Гета вырезана одна почка, и он выходит на ринг, бросается в бой, понимая, на какой идет риск. Но иначе жить парень не способен. Ему нужна позарез победа. И фильм показывает нам, как, преодолевая усталость, он рвется к этой победе, отдает ей все силы.

Не менее напорист и Влад Ворошилов, практически не ведающий поражений. Казалось бы, другого слова, кроме «победа», он тоже знать не хочет, что и демонстрирует на экране. И мне приятно сознавать, что, вполне возможно, это слово «победа» когда-то вложил в него я, взяв пацана с первых тренировок под свое крыло и выведя вскоре на пьедестал почета. Ту же бойцовскую самоотверженность демонстрирует и Кристина Стадник, юная репатриантка из Украины, одна из тех немногочисленных в Израиле девушек, связавших с боксом спортивную судьбу.

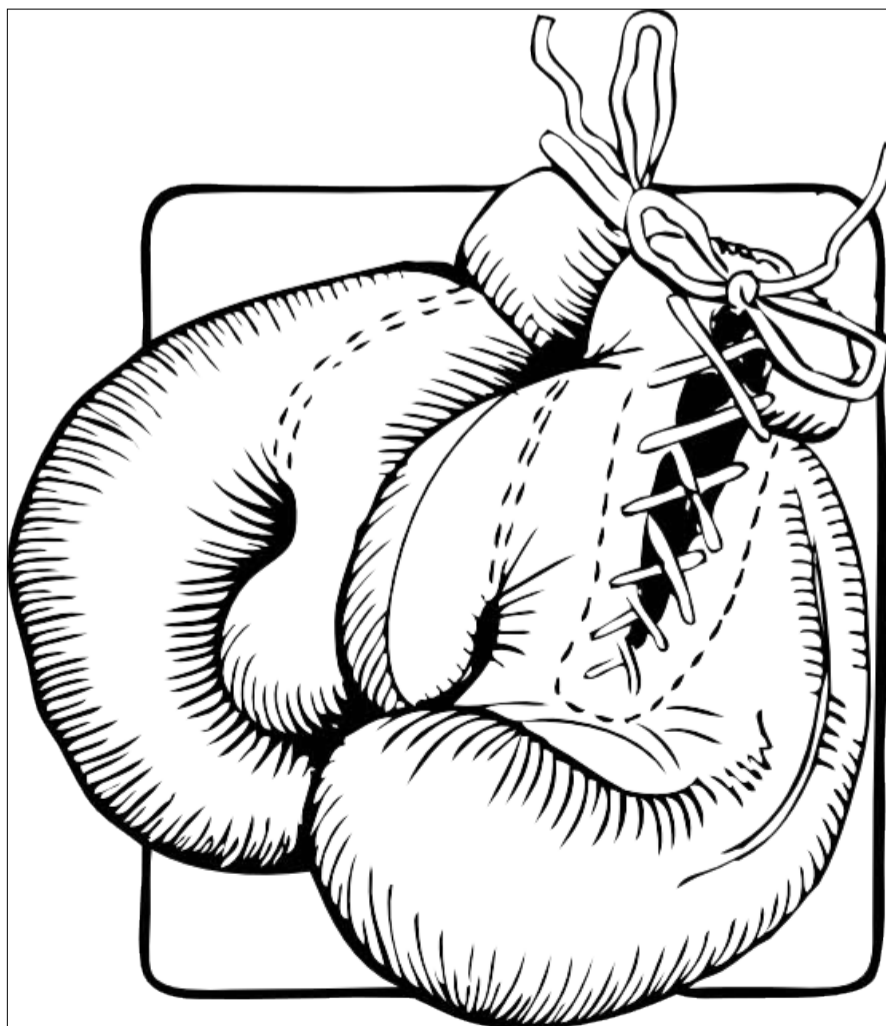
Но что мы видим? Чемпионка Израиля, победительница многих соревнований и вдруг — слезы, плачет навзрыд, чувствуя себя обманутой. Уже после того, как стала чемпионкой Израиля, ей предложили матчевую встречу с еще одной соперницей, якобы ее легчайшего веса, просто ради, так сказать, зрелищного интереса. А выставили девицу килограммов чуть ли не на десять тяжелее и старше по возрасту. В результате вместо легкой победы — поражение.

Отсюда и слезы. Знала бы, что обманут, не согласилась бы на уговоры и сейчас с легким сердцем возвращалась бы в машину Гершона в Иерусалим. Но нет! Переживает, мучается болью. И все это фиксирует камера. Все до последней слезинки. А это значит, что и Хелен Яновски ни на шаг не отстает от героев своего фильма, и что ни говори, но она отнюдь не бесстрашный репортер, фиксирующий события. Однако камеру не повернуть объективом к Хелен и не увидеть, что, может быть, и на ее глазах проступают слезы.

Да, таких «мелочей» творческого процесса не дано увидеть, но по ходу просмотра фестивальной картины чувствуется, что и подобное вполне реально. Дело в том, что Хелен приступила к съемкам этого фильма несколько лет назад. Изо дня в день она приходила на тренировки, наблюдала, снимала и малопомалу породнилась со всеми нами. И если вначале, делая разминку, работая на мешке либо в паре, мы волей-неволей косили на стрекочущую камеру, то вскоре позабыли о присутствии столь постороннего для спортивного зала предмета не первой необходимости, а это, несомненно, режиссеру и оператору Хелен Яновски было на руку. И со временем она вместе с ее неотлучной видеоспутницей превратилась в нечто составляющее боксерского клуба.

Интересно, что произойдет сейчас, после премьеры? Но думаю, что родственные узы, связывающие людей на ринге, не разрываются уже никогда. Тем более что фильму предстоит большая жизнь и, дай Бог, впереди его ждут победы на международных кинофестивалях.

Как говорят боксеры, ринг покажет. В данном случае, нет сомнения, покажет экран.

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО НЕЛИНЕЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ ИРИНЫ ЕРМАКОВОЙ

У Ирины Ермаковой есть потрясающее стихотворение, где проводится параллель между рождающимся в чреве матери ребенком — и смертью, которая тоже в человеке, полном жизни, вначале подобна ребенку. Разрастаясь, ребенок-смерть бьет ногами в живот матери и властно требует немедленно выпустить его на волю. Я думаю, здесь у Ермаковой явственно слышится связь еще и с древнейшими мифами разных народов, в которых дети приходят, чтобы, в прямом и переносном смысле, пожрать своих родителей. Но это, безусловно, не основная линия стихотворения. Смерть в человеке, согласно Ирине Ермаковой, не росла бы так быстро, если бы тот не врал и не множил, «бережно листая», бесконечные обиды. В воздухе за окном повисает лист — полужелтый, полужелтый. Сосуд жизни наполовину пуст, но наполовину полон. Героиня Ермаковой обращается то ли к смерти, то ли... к собственному ребенку, который еще в животе у матери, — и это безусловная находка Ирины Ермаковой, выдающаяся в ней незаурядного поэта. Это временное равновесие в человеке жизни и смерти проходит через многие стихи Ирины Ермаковой, которые вошли в антологию «Поэты настоящего времени». Такая идея и человечна, и философична. Сойдемся, пожалуй, на том, что данные стихи — все-таки о ребенке, который, еще не родившись, уже, в сущности, начинает умирать, такая в нем заложена биологическая программа. Но к чему же тогда это настойчивое слово «человек», которое рефреном пронизывает все стихотворение? Причем, человек этот курит, пьет чай — явно не ребенок в животе у матери. Ребенок, насколько мне известно, на такие «подвиги» еще не способен. Очевидно, автор берет одновременно разные периоды жизни человека и сопоставляет их, как будто это не длинная дистанция, а короткий спринт. В позднейшей редакции, подготовленной для новой книги «Седьмая», Ирина Ермакова дает название данному стихотворению — «Лист». Что, безусловно, несколько смещает акценты, выводя на первый план тот самый лист — «полужелтый, полужелтый», о котором я уже вскользь упоминал. Еще одна философская концепция Ермаковой уподобляет человека (любого возраста) с листом, который уже сорвался с материнского дерева, но еще не достиг окончательного и примирительного свидания с землей. Как едко пошутил Игорь Гор, это «полет Смерти длиною в Жизнь».

Человек проспится и живет,
ничего ни в чем не понимает,
врет, смеется, бережно листает
перечень обид, а в нем растет
малютка-смерть и на ноги встает,
и ногами изнутри пинает.

Бац! — и содрогнешься незначай:
под углом к рассеянному свету
полужелтый лист летит по лету
в осень. Отвернись. Не замечай.
Человек заваривает чай,
достаёт из пачки сигарету

и — ломает. И глядит, как лист,
как полужелтый лист юдольный,
словно ничего ему не больно,
на открытом воздухе повис,
словно все равно, что верх, что низ,
словно рифмой брезгует глагольной.

Чай — дымится. Лист в окне — висит,
черенком подергивая чутко,
и клюет, как жареная утка,
и — взвиваясь — радостно гремит,
как железный, как глагол в гранит —
выше, выше. Спи, моя малютка.

ГОРЬКАЯ МУДРОСТЬ

Есть стихи, которые не устаешь перечитывать. К ним, безусловно, относятся и стихи Ирины Ермаковой. Она знает, что нельзя долго играть на одной ноте. Она знает, что нельзя бесконечно повторять одну и ту же мелодию, одну и ту же тему. Мудрость ее «злая» в нищезанском смысле — своей бескомпромиссностью. Вот, например, ее ироничное стихотворение о «счастливом» дне рождения. День рождения — это и есть остановленное мгновение, когда главной героине всегда исполняется 22. И все играют в эту замечательную игру — тем более, что и играть в нее не надо — большинство гостей навсегда запомнили нашу девушку двадцатилетней. И это — бальзам на душу героини: женщины, бывшие в молодости хорошенькими, старости боятся больше, чем смерти. Но для героини Ермаковой (внимание!) это не целебный самообман, она говорит, что таким образом ее пытаются пожалеть друзья. И она не в силах противиться такой дружбе-жалости: ведь и у нее самой будет возможность пожалеть, в свою очередь,

других. Такой день рождения — это театр, иллюзия, в котором играют все, кто посетил этот замечательный праздник.

HAPPY BIRTHDAY

Уж пора казалось бы и привыкнуть
только я как впервые опять волнуясь
всякий раз опять смертельно волнуясь
когда мне исполняется 22 года

Я сижу одна в темноте и страхе
на полу в белых перьях в полном порядке
в голове кузнечик в груди жаба
в батареях угри парят и струятся
я сижу как перс и точно знаю
ничего случиться уже не может
ничего
и тогда они — наконец приходят
потому что люблю я их ужасно

Ах какая ты круглая говорят дата
ах какая ты дивная говорят дуся
и дымчат-звенят и все включают
и горит наш праздник праздник праздник

Дорогие мои мои золотые

Обниму их лучше и пожалею
и они ответно мне пожалеют
и они охотно мне пожалеют
потому что любят меня ужасно

Обниму их так чтоб никто не заметил
что-то нету сегодня нашей души
лишь паленые перья вокруг лампы
впрочем здесь ведь и так всего довольно

Мы живем удельно и добровольно
мы живем без устали и печали
всякий раз в любви живем и восторге
когда мне исполняется 22 года

Мне кажется, в этом прекрасном белом стихотворении можно было бы вполне обойтись без названия, которое невольно сужает сюжет. Без названия получилось бы стихотворение об «улучшенном» бессмертии. Вспомним: Авраам и Исаак — эти библейские чудаки — жили сотни лет. А тут живешь-живешь, и через год тебе опять 22. Время остановилось. Чудеса, да и только! Стрелка часов никак не может перескочить эту злостную отметку 22. Мистика! И потому так страшен героине день рождения — перескочит стрелка — не перескочит цифру 22. Ура! Опять не перескочила. Но каждый год все так же страшно. А вдруг... Но вообще — стихотворение, конечно, не об этом. Оно — о любви, в широком смысле слова, и о дне рождения как одном из способов выражения этой любви. Выясняется, что и любить толком мы не умеем, все как-то заученно-неуклюже, не творчески. Я думаю, что у Ирины Ермаковой есть элементы сюрреалистического мышления. Например, вот эти строки:

в голове кузнечик в груди жаба
в батареях угри парят и струятся

Чтобы вечно было 22, что-то должно незаметно для других от тебя исчезать. Но праздник — на то он и праздник, чтобы никто ничего не заметил. «Хлеба и зрелищ!» «Я требую продолжения банкета!»

«Слаще познания — ложь». В поэтике Ермаковой сюжеты как будто «побивают» мастерство пишущего. Хотя это — не более, чем иллюзия. Поддача у нее настолько интересна и нетривиальна, что мне (апологету техники!) порой совершенно «до лампочки», зарифмовано у Ирины или нет, и как зарифмовано, хорошо или плохо. Это не важно. Мне хочется говорить о ее идеях, философии, о ее личности. Иногда мне кажется, что она нарочно не зарифмовывает какие-нибудь строки. Ведь абсолютных совпадений не бывает! Как не бывает выпускниц Литинститута, не умеющих рифмовать. Ну вот, например, здесь:

Пей, корабли блудные зюйд прибывает к берегу,
пей, женихи вымерли, в море высокий штиль,
пей, сыновья выросли, им — закрывать Америку,
пей, небеса выцвели, пей, Одиссей, пей!

Мы видим, что анафора «пей» в начале каждой строки создает поле настолько высокого напряжения, что рифма «штиль — пей» не вызывает никакого внутреннего сопротивления, мы это почти не замечаем. Поэзии Ирины Ермаковой присуща «режиссерская» оснастка. Она крутит, вертит сюжет, поворачивает его и так, и эдак. Даже если сюжет затерт до дыр, вроде рассказа о Пенелопе, получается что-то новое. И это новое заставляет нас смотреть в будущее литературы с осторожным оптимизмом: гений может заявить тему, но исчерпать ее очень и очень сложно. До сих пор это неподвластно было даже самым великим — Гомеру и Шекспиру. Вообще, эта подборка Ермаковой из «Поэтов настоящего времени» производит на меня сильнейшее впечатление. Парадоксальное мышление включается у Ирины Ермаковой не сразу, а постепенно. Архитектоника стихов завораживает. Ирина Ермакова очень успешна в десакрализации древних мифов. Не надо быть великим провидцем, чтобы почувствовать: в образе Пенелопы у Гомера некий подвох, некая попытка создания «жития святой». Великий слепой оказался вдобавок еще и сказочником, вроде Андерсена. Впрочем, чему мы удивляемся? Троянская война была в 12 веке до нашей эры, Гомер жил в 9-м, а записали его сказания тремя веками спустя, в 6-м веке до н.э. Вопрос: как много в «Илиаде» и «Одиссее» осталось от Гомера? А от Троянской войны? То-то и оно.

Мало того, что Ермакова пишет интересно, она еще и делает это в постмодернистском мейнстриме. Впрочем, ничего поповского в ее стихах я не заметил. Скорее наоборот. Ирина Ермакова ставит знак тождества между «любить» и «жалеть». Это проходит красной нитью и в стихотворении про «счастливый» день рождения, и в стихотворении про дурачка Гогу из 102-й. Возможно, на самом деле «любить» намного больше, чем «жалеть», только в России издревле эти два понятия являются почти синонимами, особенно среди женской половины населения страны.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ОДИССЕЯ

Лене Исеевой

Он говорит: моя девочка, бедная Пенелопа,
ты же совсем состарилась, пока я валял дурака,
льдом укрыта Америка, битым стеклом Европа,
здесь, только здесь у ног твоих плещут живые века.

Милый, пока ты шлялся, все заросло клевером,
розовым клейким клевером, едким сердечным листом,
вольное время выткано, вышито мелким клевером,
я заварю тебе клеверный горький бессмертный настой.

Пей, корабли блудные зюйд прибывает к берегу,
пей, женихи вымерли, в море высокий штиль,
пей, сыновья выросли, им — закрывать Америку,
пей, небеса выцвели, пей, Одиссей, пей!

Сонные волны ластанся, льнут лепестки веером,
в клеверной чаше сводятся сплывшей отчизны края —
сладкий, как миф о верности, стелется дух клеверный,
пей, не жалей, пей, моя радость, бывшая радость моя.

Миф о верности Пенелопы дезавуирован — нельзя безнаказанно десятилетиями отсутствовать в семье. Человек за 20 лет настолько «обрастает чуждой жизнью», как говорил Набоков, что бывает трудно возродить в себе былую нежность к партнеру, и это к тому же взаимно. Прозрения Ирины Ермаковой порой жестоки. Рай, например, у нее забит до отказа, как зал для бесплатного фуршета. Новоприбывшие оказываются в роли опоздавших и, потолкавшись немного, вынуждены отправиться восвояси не солоно хлебавши. Все места уже заняты. Стихотворение так и называется — «Аншлаг». Даже святые вынуждены поворачивать обратно. Не знаю, как в раю, но имел еще возможность проверить, а вот в земной жизни постоянно происходит ротация святых. Нет, их не расканонизируют. Просто более популярные святые потихоньку вытесняют из обихода верующих менее «раскрученных» святых. Несовершенное человеческое сознание не может вместить слишком большое их количество. И, как пишет об этом Ирина Ермакова, святые бывают вынуждены поворачивать назад. Все это очень напоминает переход поэтов в признанные классики. Там уже толпится столько народу, что перешагнуть эту ступень почти невозможно. Особенно при жизни, когда, наряду с поэтическими шедеврами, на слуху подробности личной жизни кандидата в бессмертные. Кажется, мне пора закругляться. Хотя это еще далеко не все, что я хотел сказать о поэзии Ирины Ермаковой.

Александр КАРПЕНКО

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75

Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13

Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001

Расчетный счет: 40702810800670000380

БИК: 044525219

Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия» и «Поэтоград» и поддерживает 10 собственных литературных сайтов, в том числе портал «Читальный зал» (www.reading-hall.ru). Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, Юлий Ким, Геннадий Русаков, Евгений Евтушенко, Евгений Рейн, Виктор Соснора, Сергей Гандлевский, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru,

<http://poetograd1.livejournal.com>,

<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор

Наталия Лихтенфельд

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Шеф-редактор

Евгений Мелешин

Заместители шеф-редактора

Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Глеб Пузыревский

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринин, Наталия Лихтенфельд